

УДК 821.161.1

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-18-23

ББК 80/83

ГЕРОЙ ПРЕДВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ В ПРОЗЕ Л. Д. РЖЕВСКОГО («ДВОЕ НА КАМНЕ») И Б. И. БАЛТЕРА («ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ!»)

А. А. Коновалов

Аннотация. Цель работы – выявить типологические свойства героя предвоенного поколения, представленного в повестях «Двое на камне» Л. Д. Ржевского и «До свидания, мальчики!» Б. И. Балтера. Научная новизна исследования состоит в отсутствии сопоставительного анализа данного типа героя в прозе советских авторов и эмигрантов второй волны. В результате установлено, что, несмотря на имевшиеся идеологические расхождения между авторами, герой предвоенного поколения у Л. Д. Ржевского и Б. И. Балтера обладает целым рядом сходных черт (ощущение свободы и преодоление попыток ее ограничения; удивительно обостренное восприятие времени; стремление к правде и повышенная ранимость в личных отношениях). Несходство судеб главных героев (лагеря Ди-Пи у Ржевского, война и послевоенные реалии СССР) не отменяет внутреннего родства, что подтверждает тезис о внутреннем единстве русской советской и русской зарубежной литературы, что выводит на знаковую для современного литературоведения проблему поиска аксиологических констант, обеспечивавших единство русской литературы вопреки идеологическим и политическим потрясениям XX в.

Ключевые слова: литературный процесс 1950–1960-х гг., герой предвоенного времени, творчество Л. Д. Ржевского, традиции И. А. Бунина и К. Г. Паустовского, лирическая проза.

Для цитирования: Коновалов А. А. Герой предвоенного поколения в прозе Л. Д. Ржевского («Двое на камне») и Б. И. Балтера («До свидания, мальчики!») // Наука и школа. 2025. № 2. С. 18–23. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-18-23.

© Коновалов А. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE HERO OF THE PRE-WAR GENERATION IN THE PROSE

OF L. D. RZHEVSKY ("TWO ON A STONE") AND B. I. BALTER ("GOOD BYE, BOYS!")

A. A. Konovalov

Abstract. *The purpose of the work is to identify the typological features of the hero of the pre-war generation, represented in the novellas "Two on a Stone" by L. D. Rzhevsky and "Good bye, boys!" by B. I. Balter. The academic novelty of the study consists in the absence of a comparative analysis of this type of hero in the prose of Soviet authors and emigrants of the second wave. As a result, it was found out that despite the existing ideological differences between the authors, the hero of the pre-war generation of L. D. Rzhevsky and the hero of B. I. Balter have a number of similar features (a sense of freedom and overcoming attempts to limit it; a surprisingly acute perception of time; the desire for truth and increased vulnerability in personal relationships). Russian literature is characterized by the dissimilarity of the main characters' fates (the Rzhevsky displaced persons camp, the war and the post-war realities of the USSR), which does not negate the internal kinship, which confirms the thesis of the internal unity of Russian Soviet and Russian foreign literature, which leads to the crucial problem of modern literary criticism in the search for axiological constants that ensured the unity of Russian literature despite the ideological and political upheavals of the 20th century.*

Keywords: *the literary process of the 1950s and 1960s, the hero of the pre-war period, the work of L. D. Rzhevsky, the traditions of I. A. Bunin and K. G. Paustovsky, lyrical prose.*

Cite as: Konovalov A. A. Hero of the pre-war generation in the prose of L. D. Rzhevsky ("Two on the Stone") and B. I. Balter ("Good bye, boys!"). *Nauka i shkola*. 2025, No. 2, 18–23. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-18-23.

Рубеж 1930–1940-х гг. в Советском Союзе – время стремительного развития науки и промышленности, крайне интенсивной творческой жизни и одновременно массовых репрессий, беспощадного подавления любого инакомыслия. Именно в эти годы делали первые шаги во взрослую жизнь юноши, которые вскоре сорвут нацистский блицкриг и тем изменят ход мировой истории: на их телах, по образному выражению Б. Л. Васильева, «забуксовали танки Клейста и Гудериана» [1, с. 16].

Герой предвоенного поколения, значительная часть которого погибла в годы Великой Отечественной войны, предстал в целом ряде произведений советской литературы 1950–1960-х гг. И несмотря на множество различий личностного, мировоззренческого и творческого свойств советские писатели и прозаики из второй волны Русского зарубежья в целом ряде случаев оказались очень сходными в воссоздании душевных устремлений молодежи рубежа 1930–1940-х гг., в изображении этой противоречивой и трагичной эпохи.

Среди множества писателей 1950–1960-х гг. сложно подобрать двух с настолько разными биографиями, как у Л. Д. Суражевского и Б. И. Балтера.

Леонид Денисович Суражевский (псевдоним Ржевский, далее будет обозначаться по своему псевдониму) (1903–1986) – потомственный русский дворянин, филолог, кандидат филологических наук, ученик В. В. Виноградова, преподавал в МГПИ, в лейтенантском звании ушел на войну в 1941 г., попал в окружение и в плен, затем сотрудничал с оккупационными властями (переводчик, учитель-методист

на Смоленщине¹) и в результате остался на Западе, где работал преподавателем славистики в европейских и американских университетах².

Борис Исаакович Балтер (1919–1974) – закончил военное училище, принимал участие в Зимней войне (советско-финской), Великую Отечественную встретил уже кадровым командиром, с боями выходил из окружения, войну закончил майором. После комиссования из армии по состоянию здоровья Б. И. Балтер поступил в Литературный институт, обучался на курсе у К. Г. Паустовского, который стал главным авторитетом для Б. И. Балтера в русской и мировой литературе, именно К. Г. Паустовский приобщил начинающего автора к лирической прозе, став для Б. И. Балтера связующим звеном между русской классикой и современностью.

Л. Д. Ржевский и Б. И. Балтер не были лично знакомы, нет никаких сведений, что они проявляли интерес друг к другу как литераторы³. Тем не менее с интервалом в несколько лет они напишут и опубликуют повести, в которых очень явно представлен юноша конца 1930-х гг., старшеклассник и студент, испытывающий любовные чувства, переживающий за своих близких, определяющий свое отношение к происходящим событиям. Ржевский и Балтер представили социально успешных юношей: отличников, пользующихся уважением окружающих (разумеется, с поправкой на возраст и местные условия).

Столь неожиданное сходство персонажей обусловлено автобиографическим характером повестей, продолжением писателями традиций русской классической литературы: Л. Д. Ржевский прежде всего ориентируется на И. А. Бунину, а Б. И. Балтер – на К. Г. Паустовского. С ориентацией на русскую классику прежде всего и связан лирический характер произведений, намеченный в прозе Л. Д. Ржевского⁴ и в полную силу звучащий у Б. И. Балтера. И это несмотря на очевидные идеологические противоречия между авторами.

К моменту написания повести «До свидания, мальчики!» Балтер – коммунист, фронтовик, вполне разделявший устремления Оттепели и осуждавший культ личности Сталина, тем не менее вряд ли сомневающийся в идеалах Октября. Ржевский в 1956 г. – преподаватель шведского университета, хорошо зарекомендовавший себя как редактор и публицист в русской эмиграции, автор нескольких произведений, критически воспринимающий коммунистическую идеологию и советскую действительность [3–5].

Автобиографическая основа повестей Ржевского и Балтера, несмотря на отличия в построении произведений (повествование у Балтера ведется от первого лица (Володи Белова), а у Ржевского – от безымянного лица преподавателя-филолога или от лица студента Алексея), наряду с несомненным влиянием традиций русской классики, стала важнейшим основанием для внутренней близости героев повестей «Двое на камне» и «До свидания, мальчики!».

¹ Л. Д. Ржевский не разделял коммунистическую идеологию, не испытывал каких-либо симпатий к советской системе. Однако нет никаких свидетельств его приверженности национал-социализму, как и доказательств его поддержки оккупантов. Судя по всему, так как нет сведений о каких-то иных отношениях Ржевского и нацистов, «сотрудничество» Ржевского исчерпывалось методической помощью учителям на Смоленщине, переводческой деятельностью и, возможно, участием в редактировании текстов в периодических изданиях.

² Среди западных писателей, критиков и литературоведов Л. Д. Ржевский отличался не только очень хорошим знанием советских реалий, но и тонким пониманием литературного процесса в СССР [2].

³ Балтер имел очень ограниченные возможности для знакомства с публицистикой и прозой Русского зарубежья, Ржевский активно интересовался всем происходящим в советской литературе [3]: вполне мог быть знаком с произведениями Балтера, но не оставил о том каких-либо свидетельств.

⁴ Отдельные зарисовки природы, сцены прощания. Явственно ощущается проза И. А. Бунина. И тем не менее лирические интонации – «печаль моя светла» – пронизывают все произведение.

Молодые люди у Ржевского⁵ и Балтера очень активны, как правило, они заняты каким-то делом, что не мешает им размышлять о происходящих вокруг событиях: у Ржевского с очевидным антибольшевистским подтекстом, у Балтера – с неприятным формализмом и лицемерия, что, как только обозначено в повести, приведет к трагическим последствиям для героев (матери Белова и Сашки Кригера). Усиливает сходство любовная линия. Повести «До свидания, мальчишки!» и «Двое на камне» – это еще и произведения о первой любви.

В своем самом известном произведении, которое вбирает в себя несколько коротких историй, Балтер показывает себя мастером короткой новеллы, скорее даже эскиза, зарисовки. Таков Жестянщик [7, с. 14–15], предвосхищающий и шукшинского чудика (особенно при сравнении с героем рассказа «Генерал Малафейкин»), и персонажей Ф. Искандера. Балтер погружает читателя в мир приморского города и своих собственных переживаний предвоенного времени. Позднее исследователи и земляки писателя отметят удивительную точность всех историй автора [8].

Три мальчишки, три судьбы: упоение подростковой свободой в приморском городе не отменяет предстоящих испытаний. «Я многое в жизни терял, но ничего нет страшнее смерти близкого человека. Витьку убили под Ново-Ржевом восьмого июля тысяча девятьсот сорок первого года: батальон, которым он командовал, вышел из контратаки без своего командира. А Сашку арестовали в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Это случилось после ареста в Москве многих видных врачей. Сашка тоже был очень хорошим врачом-хирургом. Он умер в тюрьме: не выдержало сердце» [7, с. 296–297]. Позднее критики и коллеги-писатели отмечали предчувствие беды. Наиболее категорично это сделал В. Войнович: «Это повесть о поколении, выросшем и воспитанном в ужасное время. Интересно, что ни о чем ужасном в повести нет речи» [9, с. 121]. Возможно, отсутствие ужаса в повести – результат упоения свободой со стороны героев повести.

Герои Ржевского тоже свободны, но прежде всего внутренне, не случайно и пушкинский эпиграф. Саша идет на компромиссы, поддается давлению, но все равно вырывается из рамок, налагаемых системой, и переписывает свою повесть.

Ржевский в повести «Двое в камне» – это и мастер описаний природы, человеческих состояний, и несомненный знаток мировой литературы. «Скрытые и явные цитаты из художественных произведений – один из важнейших элементов прозы Ржевского» [9, с. 54]. Произведение представляет собой повесть в повести, где все сюжетные линии переплетены. Благодаря этому писатель, используя прием двойничества, под несколькими углами зрения «демонстрирует» героев предвоенного поколения: самого повествователя, его друга, начинающего писателя, очевидно, студента Литературного института или ИФЛИ Сашу Лишина [4, с. 10], и Вики, студентки пединститута.

В начале произведения повествователь – преподаватель вуза (по ряду узнаваемых локаций (Девичье поле, Воздвиженка и т. д.) речь идет о МГПИ), филолог, завершает диссертацию – студент Саша Лишин, он же автор повести «Не в одиночестве», главный герой которой Алеша влюблен в Веру (ее прототип Вика обучалась у повествователя на курсах, студентка педагогического института). Отец Вики был арестован, что сразу превратило ее и семейство в изгоев. «– Господи, что это были за три месяца! Мама и сейчас инвалид. А я до сих пор во сне вижу, что хожу мимо

⁵ В образе главной героини повести угадывается жена писателя Аглая Шишкова, в годы войны спасшая Ржевского от смерти [6].

часовых к этим жутким окнам, справочным и для передач. <...> У папы на службе проводили, конечно, собрание, осуждали, клеймили. <...> В институт пришлось не ходить. Да и дома, знаете, жили мы эти три месяца, как зачумленные, в своей коммунальной квартире, – все нас обходили, а если заговорит кто с оглядкой, то считал за геройство. Ну да вы знаете... Теперь реабилитировали. Даже зарплату всю выдали...» [4, с. 33].

Повесть Ржевского, как и «До свидания, мальчики!» Балтера, избегает точных дат. Предвоенные годы, вот, собственно, и все хронологические ориентиры. И отдельными короткими штрихами, но уже с датами обозначены послевоенные события. Однако концовки произведений лиричны.

У Ржевского в концовке повести (1956 г.) прямо бунинская интонация: «Это “прошли мимо” вспоминалось потом не раз – на фронте, в плену, в лагерях. Сквозь вздох, конечно: в окопах, тем более – за проволокой, слова “прошло”, “прошли мимо” и прочие в этом роде содержат всегда неодолимую, почти мистическую грусть... Но и она в прошлом. Теперь, когда все улеглось, когда не за горами уже то единственное, чего миновать не может никто, – стало как-то яснее, что проходить мимо – увы! и значит собственно жить...» [4, с. 53]. У Балтера – крик-прощание с Инкой, первой любовью, и заодно со своим детством и юностью.

При всех отличиях между повестями «Двое на камне» и «До свидания, мальчики!» герой предвоенного времени – это прежде всего активный человек, старающийся жить по совести и одновременно стремящийся к свободе, остро переживающий все происходящее вокруг него. Ржевский и Балтер независимо друг от друга привнесли в свои произведения лирическую интонацию, усилившую ощущение ностальгии по прошлому, молодому, родному, но уже недостижимому. Близость персонажей Ржевского и Балтера указывает на типологическую общность героев русской литературы, не отменяемую политическими границами и демонстрирующими аксиологическую цельность русской литературы, невзирая на все потрясения XX в.

В перспективе дальнейшее сопоставительное исследование прозаиков второй волны русской эмиграции и советских писателей Оттепели видится в более детальном изучении представленности их творчестве базовых констант русской культуры как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Б. Л. Век необычайный. М.: АСТ: ОГИЗ, 2024. 320 с.
2. Коновалов А. А. Художественный мир Л. Д. Ржевского: проблемы поэтики и эстетики. М.: «Прометей» МПГУ, 2004.
3. Ржевский Л. Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Франкфурт-на-Майне, 1972. 168 с.
4. Ржевский Л. Д. Двое на камне // Ржевский Л. Д. Двое на камне: Повести. Мюнхен: Т-во Зарубежных Писателей, 1960. С. 5–54.
5. Ржевский Л. Д. Язык и тоталитаризм. Мюнхен, 1951. 63 с. (Исследования и материалы / Ин-т по изучению истории и культуры СССР).
6. Агеносов В. В. История одной любви. Леонид Ржевский и Агния Шишкова // Информпространство. 2008. № 9. URL: https://www.informprostranstvo.ru/N09_2008/litsa.html (дата обращения: 25.02.2025).
7. Балтер Б. И. До свидания, мальчики! Повесть. М.: Советский писатель, 1965. 324 с.
8. Балтер Б. К столетию со дня рождения / [сост. Виктор Есипов]. М.: Зебра Е: Галактика, 2019. 288 с.

9. Бабичева М. Е. Вклад Л. Д. Ржевского в сохранение и развитие русской литературы за рубежом // Румянцевские чтения 2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 апреля 2017): [в 3 ч.]. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2017. С. 52–57.
10. Балтер Б. И. Первые дни: Рассказы. Владимир: Владимирское обл. изд-во, 1953. 100 с.

REFERENCES

1. Vasilyev B. L. *Vek neobychnyy*. Moscow: AST: OGIZ, 2024. 320 p.
2. Konovalov A. A. *Khudozhestvennyy mir L. D. Rzhetskogo: problemy poetiki i estetiki*. Moscow: "Prometey" MPGU, 2004.
3. Rzhetskiy L. D. *Tvorets i podvig: Ocherki po tvorchestvu Aleksandra Solzhenitsyna*. Frankfurt am Main, 1972. 168 p.
4. Rzhetskiy L. D. *Dvoe na kamne*. In: Rzhetskiy L. D. *Dvoe na kamne: Povesti*. München: T-vo Zarubezhnykh Pisateley, 1960. Pp. 5–54.
5. Rzhetskiy L. D. *Yazyk i totalitarizm*. München, 1951. 63 p. (Issledovaniya i materialy / In-t po izucheniyu istorii i kultury SSSR).
6. Agenosov V. V. *Istoriya odnoy lyubvi. Leonid Rzhetskiy i Agniya Shishkova. Informprostranstvo*. 2008, No. 9. Available at: https://www.informprostranstvo.ru/N09_2008/litsa.html (accessed: 25.02.2025).
7. Balter B. I. *Do svidaniya, malchiki! Povest*. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1965. 324 p.
8. Balter B. *K stoletiyu so dnya rozhdeniya* / [sost. Viktor Esipov]. Moscow: Zebra E: Galaktika, 2019. 288 p.
9. Babicheva M. E. Vklad L. D. Rzhetskogo v sokhranenie i razvitie russkoy literatury za rubezhom. In: Rumyantsevskie chteniya 2017: 500-letie izdaniya pervoy slavyanskoy Biblii Frantsiska Skoriny: stanovlenie i razvitie kultury knigopchataniya. *Proceedings of International scientific-practical conference (18–19 Apr. 2017): [in 3 parts.]. Part 1*. Moscow: Pashkov dom, 2017. Pp. 52–57.
10. Balter B. I. *Pervye dni: Rasskazy*. Vladimir: Vladimiroe obl. izd-vo, 1953. 100 p.

Коновалов Андрей Александрович, кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: aa.konovalov@mpgu.su

Konovalov Andrey A., PhD in Philology, Professor, Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: aa.konovalov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 31.03.2025

The article was received on 31.03.2025